

SKLENĚNÝ MÜSTEK
VYDAVATELSTVÍ KARLOVY VARY

ЕЛИЗАВЕТА ЛЕЩЕНКО

Девочка с бумажным фонарем

Фантастические и сказочные истории

9 788075 341723 >

Елизавета Лещенко

**ДЕВОЧКА
С БУМАЖНЫМ ФОНАРЕМ**

фантастические и сказочные истории

**SKLENĚNÝ MŮSTEK
KARLOVY VARY 2017**

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

В окружающей нас реальности мы стремимся выделить некое подпространство, маленький суверенный мир, который считаем или называем своим. И абсолютно у каждого этот мир – уникальный. А иногда мы можем отрешаться от окружающего и погружаться внутрь, и вдруг оказывается, что там тоже есть мир.

А в точке соприкосновения этих двух миров происходят удивительные вещи.

© Елизавета Лещенко 2017

© Skleněný můstek s.r.o. 2017

ISBN 978-80-7534-172-3

Девочка с бумажным фонарем

Была середина зимы. Рабочий вечер пятницы выдался не- приятно суетным и затяжным, погода радовала ещё меньше: морось, ветер и зябкая сырость. Сегодня я напросился в гости к Элайн, зная, что её соседка уезжает на выходные и нас никто не побеспокоит. Я пообещал, что освобожусь вовремя, в последнее время ей часто приходилось меня дожидаться: на улице или в кафе.

Сама она не жаловалась, но я вовсе не хотел злоупотреблять её терпением, что-то внутри меня упорно не хотело принимать эти так недавно, неожиданно и стремительно начавшиеся отношения за ничем не отличающийся от всех остальных мимолетный роман.

Элайн не была похожа ни на одну девушку, с которой мне когда-либо доводилось быть так или иначе знакомым, да и, честно говоря, я вообще не мог припомнить хоть одного похожего на неё человека, которого мне когда-либо доводилось встречать. Хотя, в чем именно заключалась эта выраженная «непохожесть», я вряд ли мог бы более-менее внятно сформулировать.

Когда она физически находилась где-то рядом, я мог явственно ощущать её присутствие даже с закрытыми глазами; когда она входила в комнату, меня как будто обдавало тёплым ветром, и чем ближе она подходила, тем сильнее становился ветер – вот-вот унесёт...

Если же мы не виделись несколько дней, и я забывал ей позвонить, меня неотступно, как наваждение, начинал преследовать её образ. Не раз я – на улице или в подземке – бросался догонять абсолютно незнакомых девушек, до последнего момента уверенный, что это именно она – пока нос к носу не сталкивался с абсолютно ничем не напоминающей Элайн обескураженной женщиной...

Неудивительно, что все вещи, принадлежавшие ей, и вообще всё окружающее Элайн пространство были так же странны и загадочны, как и сама девушка. В её комнате не хранилось ничего, что могло бы рассказать о личном прошлом: никаких фотографий с подругами или сёстрами или постеров с автографами – ну и прочей макулатуры, которой обычно окружают себя обычные девчонки.

А вот чужих историй здесь было пруд пруди: какая-то окаменелая штуковина, старинный (причём исправно работающий) патефон, книга, изданная так давно, что язык её было практически невозможно распознать (хотя у Элайн получалось отлично). А однажды я заметил в углу странного вида поношенную туфлю (выглядела она так, как будто её обронила на булыжной мостовой некая Золушка из века эдак девятнадцатого, а потом на эту туфлю случайно наступила лошадь). «Это-то тебе зачем?» – спросил я, слегка поморщившись. «У неё красивое прошлое», – как всегда в таких случаях категорично отрезала Элайн и своей восхитительно-изящной рукой расправила мой искусственно сморщенный нос.

И чем дольше длилось наше знакомство, тем больше сундучков с секретами в Волшебной Комнате По Имени Элайн являлось моему невооруженному сознанию, и, наконец, уже не надеясь выбраться из лабиринта этого замка прежним и невредимым, оно смирилось и стало принимать всё происходящее как неизбежную данность.

И эта безмятежная капитуляция длилась вплоть до того злополучно-промозглого пятничного вечера, когда я, в спешке, оскальзываясь и спотыкаясь, почти что бегом сокращал расстояние до дома Элайн. Чтобы срезать путь от метро, я спустился к реке и шел – точнее, скользил – между трассой и парапетом (или тем, что от него осталось).

Вдруг произошло нечто, от чего я, пытаясь резко затормозить и обернуться, упал, точнее, вдруг обнаружил себя сидящим, растопырив ноги, как какой-нибудь диснеевский утёнок, когда на

него что-то упало сверху: в моем правом ухе (а по ощущениям – прямо в голове), вдруг раздался голос, звонкий, и в то же время нежный. Он изрёк: «У тебя шнурок развязался!»

Не обратив ни малейшего внимания на скрежет и грохот, раздавшийся в этот момент в паре метров от меня, я, глуповато моргая, уставился направо, ошело разглядывая обладательницу загадочного голоса. Я мог поклясться чем угодно, в том, что действительно вижу её, но в то же время понимал, что это зрение какое-то особенное, как бы внутреннее – обостренное до предела. Виски покалывало, в ушах стоял шум, всё тело обуяло сильное – совсем не характерное для меня лично – чувство предельной тревоги, волнения и... заботы.

Прямо на парапете, беспечно болтая ногами, обутыми в какие-то старомодные (хотя по виду – недавно купленные) домашние туфли, сидела симпатичная хрупкая девчонка лет двенадцати. На ней была простая просторная кофта и нечто похожее на леггинсы. Левой рукой она облокачивалась на парапет, а в правой держала фонарик из цветной бумаги, и он... светился изнутри. Светился ярко, осязаемо тепло.

— Эй! Ты там цел?! – только теперь я обратил внимание на источник недавнего грохота: из-за скользкой дороги водитель огромной фуры немного заехал на тротуар и снёс массивный столб, край которого сейчас находился в каком-нибудь полумetre от моих злополучных – и абсолютно целых – ботинок. Кстати, на них совсем не было шнурков.

Поднявшись и отряхнувшись, я бодро ответил (шум в голове очень кстати совсем улетучился): «Порядок!» – и двинулся было дальше, но тут, вдруг вспомнив недавнее наваждение, оглянулся направо, затем назад, подошел к парапету, перегнулся через него и ещё раз осмотрел всё вокруг. Ничего. Ничего похожего на странную симпатичную девочку и никаких следов её пребывания здесь.

Элайн открыла мне дверь, когда я еще не успел постучать – такое случалось и раньше – и обняла меня первой, не дожидаясь, пока я сниму пальто. Я успел заметить, что она выглядит бледной и уставшей, и что её тонкие пальцы холоднее, чем обычно, и как будто слегка дрожат. Ничего не говоря, я зарылся лицом в её густые, коротко подстриженные волосы, и ненадолго закрыл глаза.

— Хочешь кофе? – своим обычным голосом спросила оттаявшая Элайн.

— Очень. – Честно ответил я, открыв глаза и по привычке блуждая взглядом по квартире в поисках какой-нибудь новой чудной вещицы. И я её нашел. На подоконнике красовался ярко-оранжевый фонарик – как видно, недавно – сделанный из бумаги.

— Может, всё-таки как-нибудь покажешь свои старые фотографии? – скорее чтобы что-то сказать, нежели с надеждой спросил я, глядя через плечо Элайн прямо в глаза девочке за окном. Та заговорщики улыбнулась, и, прижав палец к губам, мягко растаяла во влажных туманных сумерках.

— Думаю, сегодня ты и так видел больше, чем достаточно. – Как всегда неожиданно и безапелляционно задвинув на место моё неоправданно-высокомерное любопытство промолвила очаровательная Элайн и мягко отстранилась от меня, направляясь в кухню.

Я быстро догнал её и крепко прижал к себе.

Бумажные цветы в камине

Как обычно, мы не обсуждали, как и где провести вечер пятницы. Вот и на этот раз, не сговариваясь, собрались в гостиной Маргарет, и, образовав нетесный полукруг по центру комнаты, сидели в уютных отсветах огня настоящего старинного камина. Со сводчатого потолка свисали зеленые веточки омелы, с бутонами, готовыми распуститься над... В общем-то, каждый из нас ждал наступления Рождества не без надежды на какое-нибудь чудо, хотя бы маленькое.

Сегодня высокие окна были задрапированы плотными, темно-бирюзового цвета шторами, ниспадающими до пола, на стеклах красовались грациозные бумажные олени в серебристых блестках, диван и кресла были покрыты пушистыми, почти белыми покрывалами, а торец камина украшали венки из живой хвои, сочавшиеся ароматной смолой.

Время от времени по дороге проезжал редкий автомобиль, подсвечивая заснеженные деревья за окном, и тогда уличный зимний свет на несколько секунд сливался с отблесками камина огня и настенных ламп, и обстановка комнаты становилась продолжением вечернего пейзажа нашего тихого поселка.

Невольно вспоминался вечер Самхейна, когда гостиная Маргарет была украшена оранжевым и черным, в вазах стояли не цветы, а листья клена и упавшие на землю веточки с поздними ягодами. Светильники не горели вообще, зато из углов комнаты улыбались тыквы-рожицы, в их искусно вырезанных глазах танцевали живые огоньки пламени, а посреди ковра развалился огромный черный кот, похоже, чувствовавший себя как дома (хотя это был единственный вечер, когда мы его здесь видели).

Его шерстинки, казалось, живут собственной жизнью, хаотично вставая дыбом, искрясь и потрескивая. Если же кот еще и мурлыкал, казалось, что представляет он собой некое электрическое поле, или, скорее, шаровую молнию, застывшую перед тем, как изменить траекторию. Никто из нас так и не решился его

погладить, хотя он и выглядел (или старался выглядеть) миролюбивым и дружелюбно прищуривал фосфоресцирующие глаза, оглядывая нас.

Маргарет в тот вечер была как никогда оживленной и разговорчивой. На ней были серые свободные брюки в крупную клетку и вязаный свитер тепло-кирпичного цвета. Волосы она заплела в две косы, ничем не закрепленные на концах, и если одна из них расплеталась больше чем наполовину, девушка снова сплетала ее. При этом она нежно почесывала ступней спину «трещащего» кота, который, вытягиваясь от удовольствия во весь рост, казался невообразимо большим – хотя у него каким-то образом получалось занимать совсем немного места на полу.

— Это Кат Ши, — сказала Маргарет, в очередной раз сплетая распустившуюся косу. — Сегодня он мой гость.

При слове «гость» мы все невольно вздрогнули и отвели глаза от Маргарет и ее искрящегося друга, потому что услышали стук в окно.

Стволы деревьев, растущих перед домом, чернели на фоне оранжевого кусочка неба, подсвеченного заходящим солнцем последнего осеннего дня. На одной из маленьких веточек, царапающих оконное стекло, сидел отчаянно цепляющийся за нее лапами и все еще размаивающий крыльями – чтобы не упасть – ушастый совенок, явно хотелый, чтобы его впустили в комнату, что мы с радостью и сделали (кто из нас не мечтал приручить сову?!)

Играя с умным птенцом, мы совсем забыли о Кат Ши, и тут он подал голос – в ответ Маргарет улыбнулась и легко кивнула ему. Кот потянулся на передних лапах, то ли распрямляя свою длинную спину, то ли кланяясь, его шерстинки громко затрещали, а когда мы снова повернулись в его сторону, Кат Ши бесследно исчез.

В этот вечер, как и всегда, когда мы, не сговариваясь, собирались здесь вместе, обстановка в гостиной была особенной, и то, что мы видели из окна комнаты, всегда перекликалось с тем, что находилось внутри.

Но самым странным в гостиной Маргарет было не это, и даже не то, что здесь никогда не работали наши телефоны и фотоаппараты. Мы уже давно перестали таскать их с собой, как и сознаваться перед тем, как собраться у Маргарет. Самым странным было то, что внутри камина всегда лежал маленький букетик искусно сделанных бумажных цветов, которого не касалось пламя.

Рассказывание историй (реальных или нет) было «основной темой» наших спонтанных вечеринок у камина. Но когда бы мы ни просили хозяйку дома поведать нам «секрет ее маргариток», она, как всегда улыбаясь глазами, тихо отвечала: «Это слишком длинная история...»

Мы все были очарованы Маргарет (а не только Джейреми, влюбившийся в нее с первого взгляда). Ее полудетские губы – как и немнога раскосые, темно-зеленого цвета глаза – казалось, всегда немножко улыбались.

Сегодня на девушке было светло-бежевое платье, без рукавов, с длинной, до пола, юбкой, на поясе украденное широкой бирюзовой лентой, расшитой серебристым узором. Густые волосы – чуть темнее нежно-персиковой кожи – были подвязаны атласной лентой цвета высушенной бронзы.

Говорила Маргарет редко, но каждый из нас наслаждался звуками этого голоса: тихого, но звонкого, как серебристые колокольчики, как танец маленьких снежинок в лунном свете, как смех Сахарной Феи, как напев древнего волшебного народа, селившегося на высоких деревьях...

В этот вечер – как и всегда – девушка оставалась тихой и улыбчивой и старалась держаться поближе к камину, как будто ее задумчивый взгляд, обращенный к огню, не давал тому угаснуть. Джейреми, не сводивший с Маргарет глаз, сейчас сидел совсем близко к ней, она не отстранялась и смотрела ему в глаза прямо, с нежной улыбкой (всякий раз, когда он заговаривал с ней), но, как и в любой другой вечер, не позволяла его руке нечаянно соприкоснуться со своей.

Я рассеянно и умиленно наблюдал за ними, про себя гадая, сколько еще пройдет времени, прежде чем кудрявая голова Джейреми впustит в себя очевидную мысль: он и Маргарет совершенно не подходят друг другу. И о том, узнает ли когда-нибудь моя длинноногая и всегда немного бледная сестра (требовавшая, чтобы мы называли ее не иначе как Тин-Тин), что он целый год отчаянно пытался обратить на себя ее внимание, но сдался, решив, что она никогда уже не предпочтет реальной жизни свой «непостижимый» внутренний мир.

Эти мысли, тепло комнаты, негромкие разговоры друзей и мерное потрескивание в недрах «волшебного» камина вишневых веточек заставили мои веки отяжелеть, а тело – блаженно обмякнуть, и я сам не заметил, как погрузился в сон.

Видимо, проспал я достаточно долго, потому что разбудила меня сильная ноющая – от неудобного положения – боль в спине. Наконец-то разлепив глаза и кое-как размяв ноги, я огляделся вокруг. Потирая виски, я пытался собрать воедино пазл памяти, вспомнить, как оказался внутри заброшенного старинного особняка спящим, привалившись к стене, сидящим на собственном полупустом рюкзаке.

Мало-помалу туман в голове рассеялся, и я вспомнил, как мы трое оказались здесь: за несколько дней пребывания на курорте нам наскучило катание на лыжах и посещение сауны, и Тин-Тин уговорила меня и Джейреми прогуляться по местной довольно живописной деревушке. Моя сестра, как всегда, горела желанием «найти что-нибудь странное и сфотографировать», поэтому бродили мы достаточно долго, и когда нашли то, что искали, все изрядно вымотались, к тому же поднялся ветер.

Внутри старинного дома было на удивление тепло и сухо, и мы сидели возле одной из стен, обмениваясь впечатлениями от длительной прогулки. Я не помнил, как уснул, но солнце еще не село, значит, я спал недолго.

Перед тем как разбудить Тин-Тин и Джейреми, я решил кое-что проверить. Подойдя к старинному камину, я не удивился, почувствовав легкий запах только что сгоревшей бумаги, и меня не испугало то, что я увидел, смахнув перчаткой еще теплый пепел. Надпись, выточенная легким шрифтом с изящными засечками, гласила: “Thank you all for being with me”. На долю секунды ко мне вернулось ощущение тепла, а уши уловили отголосок тонкого серебристого смеха.

Когда мы спускались на дорогу, я немного отстал, чтобы еще раз оглядеть старинный дом снаружи. Джейреми держал Тин-Тин за руку, чтобы она не соскользнула вниз по склону, я жестом объяснил им, что отстану и всю дорогу шел чуть поодаль, догнав друзей только на подходе к лагерю.

Они все еще держались за руки.

Снимаю шляпу

В городке под названием Блекхэт живут очень серьёзные с виду граждане. Однако серьёзность эта – очень забавная. Дело в том, что все без исключения жители – кроме разве что самых крошечных – носят длинные волосы и бессменную чёрную шляпу.

Да, человечки разного роста и возраста, совершенно по-разному одетые и держащиеся венчают свою голову абсолютно одинаковой причёской и традиционной чёрной шляпой.

Шляпы эти не продаются в специальных магазинах и не шьются на заказ у портного. Проживая в Блекхэте, вы не можете выбрать себе шляпу по вкусу (или по карману) – однажды вы её просто получаете – вместе с маленькой ведьмочкой, которая эту шляпу считает ничем иным, как своим собственным домом. Ведьмочку по своему вкусу вам, кстати, тоже выбирать не придётся.

Маленькие ведьмочки появились в Блекхэте задолго до того, как там вздумалось жить обычным людям, поэтому и считают здесь они себя полноправными хозяйствами и делают, что хотят.

Испокон веков эти вздорные дамы имеют привычку проводить весь год, уединённо занимаясь им одним ведомыми важными делами, отгородившись от остального мира уютным домиком (который представляет собой не что иное, как ту самую преобыкновенную чёрную шляпу).

И только в одну из летних ночей эти премилые создания оставляют свои привычные убежища и слетаются на холм (на котором ныне высится городская башня), чтобы себя показать да на других посмотреть, а заодно и рецептами разных зелий обменяться и новые знакомства завести. Ну и, конечно, вволю налетаться на метёлках. А те, кто подружились во время праздника, ставят шляпы-домики по соседству – чтобы тайком бегать друг к дружке в гости весь следующий год.

Когда на территории будущего Блекхэта объявился первый человечек, первым, что он здесь обнаружил, была та самая чёрная шляпа, и этому человечку не пришло в его длинноволосую голову (в те времена все человечки, даже очень маленькие, носили длинные волосы, а то и парики) ничего умнее, чем эту самую шляпу поднять и примерить.

Конечно, ему очень повезло, что молоденькая ведьмочка, жившая под ней, в это время сладко спала – да и вообще была добренькая. Зато когда человечек попытался эту шляпу снять, ведьмочка уже давно проснулась и обосновалась на новом месте, а уж если этой малышке понравилось какое-нибудь место – даже и не пытайтесь её оттуда выгнать.

Соседка этой самой ведьмочки, тайком побывав в новом домике подруги, пришла в полный восторг, и уже на следующее утро незатейливый товарищ Первооткрывателя, проснувшись, обнаружил себя украшенным такой же самой шляпой. Так и повелось.

Все до единого жители Блекхэта в одну из летних ночей выходят на улицы и – единственный раз в году – снимают свои шляпы, чтобы тысячи маленьких ведьмочек отпраздновали свой невинный шабаш.

После этой волшебной ночи горожане часто переезжают – поближе к новым друзьям, нередки и свадьбы. Старые блекхэтне любят поговаривать: «Браки заключаются под шляпами!» Или: «Насильно под шляпу не влезешь...»

А что до длинных волос – об этом сами жители до сих пор ничего не знают – спросите у маленьких ведьмочек.

Сон. Любовь. Перевоплощение

Ты обнимаешь мой ствол. Я оплетаю тебя корнями. Вместе мы уходим под землю. Мягко, тепло.

Всё глубже и глубже. Нам жарко. Мы улыбаемся и смеемся. Вдруг ты говоришь: «Давай посадим дерево!» Наклоняешься ко мне и осторожно срываешь зубами один лист, быстро уходишь и прячешь его куда-то.

Я делаю вид, что хмурюсь. Но когда ты возвращаешься, ветви сами тянутся к тебе, и серебристые серьги обрушаиваются на нас сумасшедшим дождем.

Вдалеке слышны раскаты первого грома этой весны.

Ночь была душной. Хейли встала, чтобы открыть окно настежь и глотнуть чая со льдом. Комната, где она жила в последнее время, была уютной и тихой, несмотря на то что сама квартира находилась в высотном доме оживленного района с нескончаемым движением людей и машин.

Под окном раскинулся как будто чудом оказавшийся здесь оазис из высоких благородных деревьев, хвойных и лиственных, прячущих свои мудрые корни под игривым ковром на удивление душистых трав и легкомысленно-золотистых цветов.

Вдыхая смешанный волнующий запах летней ночи большого города, Хейли, прикрыв глаза, мысленно совершила путешествие по уже хорошо знакомым местам. На соседней улице есть широкая старая лавка, любезно спрятавшаяся под большим кустом, растущим прямо за автобусной остановкой, где можно часами сидеть, праздно глазея по сторонам и беспечно болтая ногами – и никто-никто тебя не заметит.

В узком проулке неподалеку от магазина старинных безделушек есть кованые ворота без замка, без труда приоткрыв которые, ныряешь в глухой двор-колодец с окошками-бойница-

ми вместо пластиковых витрин, булыжной брусчаткой вместо асфальтовых дорожек, бесчисленным количеством граффити-шифров и настенной переписки влюблённых школьников на годами не обновлявшейся отделке.

А если повернуть за угол, пройти пару кварталов налево, осторожно проскользнуть по самому краю шоссе, мимо старых заводских складов и протиснуться сквозь расшатанные прутья ржавеющей ограды, можно попасть в заброшенный парк, где замшелые древесные стволы оплетены выюном, где запахи бензина и пыли теряются в лабиринте разномастной листвы, где над маленькой – непонятно где берущей начало и неизвестно в каких зарослях травы теряющейся – речкой как будто парит полуразрушенный мостик из старого камня.

Часто Хейли, забывшись, простоявала здесь до темноты, пока уже спустившаяся вечерняя прохлада не заставляла её, начав дрожать, вернуться к реальности, где её тело, опирающееся на едва ли надежный край мостика, ныло без движения, а онемевшие пальцы машинально поглаживали холодную, влажную, пористую поверхность.

Сейчас Хейли живо вспомнилось русло маленькой прохладной речушки с прозрачной водой и миниатюрными рыбешками, с кусочками желтоватых травинок, скользящих над песчано-илистым дном. Этот маленький непостижимый мир зачаровывал и манил её к себе. Притягивал и забирал. Забирал, потому что она была готова уходить.

Она стояла у окна, как будто в пол-себя находясь здесь; была, дышала и чувствовала. И всё же, какой-то – незаменимый, неповторимый и важный кусочек её внутреннего мира – был на всегда оставлен где-то, куда она уже не сможет вернуться, чтобы найти и забрать его. Она забыла дорогу к разноцветному домику, в котором беспечно жил её внутренний ребёнок. Она больше никогда не будет держать его за руку, смеясь и танцуя на мостовой под проливным дождём.

Она стояла у окна, не замечая, как слёзы чистыми крупны-

ми бусинами звонко разбиваются о пустой подоконник, стояла, не чувствуя ног и не ощущая опоры. Стояла и таяла.

Она не могла бы сказать, сколько времени прошло с тех пор, как они совсем перестали звонить или писать друг другу. Но она точно знала, что именно с этого времени её неотступно преследовали сны.

Раньше она никогда не видела снов, или не помнила о них. Теперь же она относилась к ним, как к живым существам: существам, которым не требовалось разрешения на то, чтобы познакомиться поближе, существам, которые не стучали в дверь перед тем, как собирались войти – они просто крали. Крали её у самой себя, бесцеремонно возвращая в постель использованной оболочкой.

И было ещё кое-что. Кое-что, что она знала наверняка: он тоже был там. Был и помнил.

Ты стоишь у самого края крыши, я стою напротив, у другого края.

Твои огромные печальные глаза безучастно смотрят вдаль. Бешеный ветер треплет твои небрежные волосы.

Мы соединены тяжелой цепью. Ни один из нас не двигается. Небо становится свинцово-колким. На моих руках появляется лёд. Сколько мы так стоим, неизвестно, но я больше не могу терпеть и делаю шаг вперед.

Ни секунды не колеблясь, ты отступаешь назад. Моё сердце едва не вырвано под твоей тяжестью.

Я просыпаюсь. Идёт снег.

Мэри и Джек были приветливыми людьми среднего возраста: статный, полный достоинства мужчина и нежная женщина с лучистыми глазами, – с виду абсолютно довольные жизнью, души не чающие друг в друге, каждый по-своему успешен в собственном деле.

Мини-роботы, спроектированные в лаборатории Джека, работали в больницах и научных центрах, сортировали продукцию на складах, помогали обрабатывать растения растворами, убивающими паразитов, преобразовывали солнечную энергию и даже летали в космос.

Каждому и своих «детей» Джек давал индивидуально-выдуманное, по звучанию всегда похожее на человеческое, имя. Он чутко следил за успехами и неудачами каждого и, без сомнения, гордился своими малышами. На стенах кабинета и гостиной уже не хватало места для фотографий, подписанных: «Рокки и Бренни строят свой первый анализатор»; «Мокки-младший по дороге на космодром»; «Тод и Флик ремонтируют квантовый компьютер» ... Такого рода мини-отчеты о жизни его большой механической семьи постепенно заполоняли всю их добротно обставленную и слишком уж просторную для всего двоих людей квартиру.

Мэри целыми днями – часто до позднего вечера – пропадала в маленькой мастерской, где по её эскизам ученики создавали чудесные миниатюрные фигурки, декоративную посуду, оригинальные вазы и горшки для цветов, или же просто тренировались в искусстве лепки и обжига, проявляя изобретательность и воплощая в жизнь собственные – иногда довольно смелые – фантазии.

И вот однажды – уже было начавший превращаться в абсолютно бесполезный, бездарно занимающий пространство предмет – телефон Джека громко и настойчиво зазвонил. Это была дальняя родственница (Джек не мог припомнить, приходится ли она ему троюродной тётушкой, или же четвероюродной бабушкой), сбивчиво бормотавшая какую-то чепуху, из которой Джек с трудом смог вычленить что-то вроде: «Дочка-каникулы-комната».

Гибкий изобретательный ум Джека, к счастью, быстро сумел расшифровать этот незатейливый код и выдать нужный ответ: «Конечно, без проблем! Мэри будет очень рада!» В том, что Мэри действительно будет рада тому, что дочка племянницы его дальней тётушки займёт их «заднюю» – как они в шутку называли её между собой – комнату на время университетских каникул, Джек ни секунды не сомневался.

Так в их жизни появилась Хейли, совершеннолетняя, но на вид совсем юная девушка, подрабатывающая в закусочной, расположенной неподалеку, и пару раз в неделю по вечерам посещавшая курсы художественной фотографии.

Мои глаза завязаны. Тихо улыбаясь, я качусь вниз по почти пологому склону, выстланному ковром из осенних листьев, прочесывая их мягкий покров.

Теперь моё карусельное путешествие завершено. Лежа на спине, я замираю, не дыша, и срываю повязку. Серьёзно смотрю в отсеревшее небо.

Где-то высоко две одинокие птицы, вскрикнув, столкнулись и исчезли из видимого пространства.

Больше вокруг никого нет.

Перед приездом в город Хейли часто думала о том, какой будет первая встреча с Джеком и Мэри, и о том, не будет ли она обременять их. Но как только она переступила порог их квартиры, каким-то «шестым» чувством сразу же поняла: её здесь ждали и здесь ей рады.

Мэри ненавязчиво помогла Хейли расположиться и устроить дела с работой и учебой, затем, удостоверившись, что у девушки всё в порядке, снова — как и энергичный и непоседливый Джек — с головой ушла в работу.

Но вот прошла неделя-другая, и Хейли с удивлением стала замечать, как жизнь и атмосфера в доме — теперь ставшем общим для них троих — изменилась.

Девушка уже было начала привыкать к тому, что если она слишком устала для того, чтобы после работы пойти куда-то ещё, то до позднего вечера придётся пробыть дома одной. Одиночество никогда раньше не тяготило её, однако эта большая квартира без людей казалась пугающе пустой. Пространство здесь как

будто страдало оттого, что оно никем не занято. Этому полуза-броженному мести явно недоставало жизни.

И однажды вечером Хейли, возвращаясь домой, с удивлением заметила свет в окне их кухни. Она тихо вошла и минуту-другую заворожено наблюдала сквозь полупрозрачную дверь за «новыми» Мэри и Джеком. Мэри с сосредоточенным и одновременно довольным видом ребёнка, нашедшего забытую, но увлекающую игрушку, готовила оладьи и повидло, Джек неу克莱 и старательно чистил картофель, при этом сбивчиво и не-прерывно рассказывая жене что-то, как будто они не виделись и не говорили лет эдак пять, и он очень боится упустить какие-то очень важные факты и детали.

Теперь Хейли с лёгким сердцем возвращалась вечерами домой, зная, что найдёт на кухне горячий ужин, а самих хозяев – уютно устроившимися возле маленького искусственного камина в гостиной, обнявшимися, как молодые влюбленные, переговаривающимися вполголоса и тихо смеющимися.

В одну из пятниц, задержавшись на работе, девушка, открывая входную дверь, нечаянно споткнулась о нагромождение чужих – мужских и женских – пар обуви. В гостиной было шумно, пахло шампанским и закусками, а раскрасневшаяся Мэри встретила Хейли в коридоре и, приобняв, подвела к гостям: «А это – наша Хейли!»

Выяснилось, что Мэри и Джек вдруг решили – прямо у себя дома – устроить «встречную» вечеринку для молодежи из лаборатории Джека и студии Мэри. У этих юношей и девушек, имеющих с виду такие разные интересы, оказалось, было много общего. Все, включая хозяев – шутили и смеялись, чудесно провела вечер и Хейли.

Ты стоишь, прислонившись спиной к высохшему дереву, которое едва различимо в окружающей тебя черноте. На умирающей без влаги земле – то тут, то там – красные одинокие розы.

Багрово-тёмное солнце хладнокровно опускается за горизонт. Редкие листья на дереве засыхают и падают.

Ты достаешь и закуриваешь сигарету, нервно затягиваешься и небрежно стряхиваешь пепел на одну из роз. Она чернеет и исчезает в земле.

На небе теперь нет ни одной звезды. Оно совсем холодное и пустое.

Бросив недокуренную сигарету, ты уходишь в темноту.

Дерево занимается. Сгорает. Рассыпается обугленной трухой.

Но время шло, лето приближалось к концу, и предстоящая разлука нависала над всеми троими; тёплые, сладко пахнущие ночи августа готовились уступить место беззвёздному холоду сентября.

Сегодня Хейли снова видела ТАКОЙ сон. Она не могла объяснить себе, откуда, но она точно знала, что в определённом смысле этот сон – последний. Последний в этой истории. В истории, ставшей эхом разрушенной реальности, которая стремится воссоздать себя.

И теперь она точно знала, что делать дальше. Знала, какой сон сегодня приснится им обоим, и какой сон будут видеть всю жизнь те, кто знал их, те, кто останутся здесь.

Темнота такая густая и вязкая, что трудно даже дышать. Однако, к моему удивлению, здесь есть что-то, по чему можно ходить.

Поверхность ровная и твердая, и если приоткрыть глаза, можно заметить едва различимое слабо-серебристое мерцание.

Я же закрываю глаза как можно плотнее. Ледяная птица внутри бьётся гулко и больно, но только ей я могу доверять.

Делая первый робкий шаг, я начинаю движение, и всё встает на свои места – большая тёмно-синяя птица точно знает, что

делать дальше, и вот уже навстречу нам мягко движется золотисто-желтый поток света и тепла.

Время здесь летит так быстро, а успеть нужно так много, но на долю секунды память возвращает давно потерянный образ, и я – на кончиках пальцев – успеваю ощутить тебя прежнего.

От этой внезапной близости тугая и неподатливая пустота взрывается.

Наши птицы заполняют собой всё.

Мэри и Джеку понадобилось немало времени и мужества, чтобы открыто обсудить друг с другом вопрос усыновления ребёнка. Но этим вечером всё произошло само собой. На город опустился густой тёплый туман, его мускусный запах, мешающийся с запахом уже уставшей от летнего солнца земли, просачивался в полуприкрытые окна, заполонял дом.

Рано вернувшийся домой Джек застал Мэри в дальней комнате, сидящей на кровати, отрешенно поглаживающей усталыми пальцами слегка запылившееся покрывало. Он присел с другого края, так, чтобы его ладони смогли без труда накрыть её руку. Не напряженное, а умиротворенное молчание длилось пару минут. А потом они просто поговорили обо всём. И спустя неделю, наведя справки, выяснили, что процесс им вполне по силам.

Крошка Марын, казалось, прекрасно себя чувствует на новом месте.

Иногда, когда она, слегка нахмурившись, сосредоточенно разглядывала какую-нибудь яркую игрушку, Мэри казалось, что у девочки чересчур уж взрослые глаза (хотя, может быть, виной тому был едва заметный, непонятно откуда взявшийся шрамик между бровями, который со временем совсем исчез), и ещё, что её хорошенёкое личико неуловимо напоминает ей кого-то. Кого-то вроде бы близкого, и в то же время – уже недосягаемого.

ЭПИЛОГ

Марын идёт по улице. Сегодня особенный день – двадцать лет со дня её перемещения в этот мир и разлукой с настоящими родными. И хотя ни о чём не подозревающие Мэри и Джек уже наверняка ждут её, она должна в последний раз увидеться с Хейли и остальными.

На долю секунды мир вокруг замедляет движение. Марын замирает перед огромной витриной, сквозь стекло которой ей видно всё, что она хочет видеть сейчас. Возле многолетнего высокого дерева стоят все её близкие: Хейли держит на руках совсем крошечную девочку, красиво сложенный мужчина с никогда не старящимися глазами бережно обнимает их обеих, её братья тоже здесь.

Марын едва заметным движением уголков губ улыбается им.

Уличное движение снова обретает свой обычный ритм, как и граница между мирами – физическую форму. В стекле витрины теперь отражаются машины и люди, стенды и ларьки. Всё в порядке. Эксперимент удался.

История реки времени возвращается в естественное русло.

Загадка Дженнини

Когда бы Майк ни встречал Дженнини – он никогда не узнавал её.

Точнее, когда она мягко толкала его в плечо и весело говорила: «Хе-эй!», – он несколько секунд с блаженной улыбкой идиота пялился на хорошенькую незнакомку, которая явно заигрывала (вообще-то говоря, Майк отроду не был обделён женским вниманием), и только когда Дженнини закатывала глаза и состраивала одну из своих дежурных «прискорбных» рожиц, Майк наконец-то опускался с небес на землю и со смущенным видом приветствовал давнюю подругу.

Дженнини и Майк, по большому счету, даже и не были друзьями, хотя все, кто видел этих двоих вместе, неизменно принимали их за «сладкую парочку».

Дженнини и Майк знали телефоны и адреса друг друга, но почти никогда не договаривались о встрече: просто, когда приходило то самое время, один из них появлялся на пути у другого – просто и естественно – так уж у них повелось.

На этот раз встреча настигла их в очереди на последний киносеанс. Вообще-то, очередь это было назвать сложно: кроме Дженнини и Майка здесь была небольшая группа тинэйджеров и одна крепко «слипшаяся» парочка. Показывали фильм ужасов, да и то неновый и малобюджетный.

— Скучно спать? – произнесли в один голос Дженнини и Майк и утвердительно кивнули друг другу в ответ. Так они всегда честно объясняли себе причину совместныхочных шатаний где придется.

Развалившись в кресле нога на ногу, Майк хрустел попкорном, уставившись в какую-то точку экрана, где безучастные цветовые пятна хаотично сменяли друг друга. Мимолётные подру-

ги приходили в его жизнь и уходили, как будто, прогуливаясь по шумному городу, вдруг решали ненадолго присесть на скамейку в тихом парке. Но то ли в этом парке обитали чудовища из потустороннего мира, то ли уж очень ответственный сторож обходил перед закрытием дозором все дальние закоулки – проходили ли пара дней, или пара месяцев, и скамейка неизменно пустела.

В мире же, где они с Дженнин так беспечно и бесцельно проводили время, не было ни сторожей, ни чудовищ. После этих встреч оставалось лишь чувство всеобъемлющего покоя, хотя скорее, блаженного забытья. Как она вообще выглядит?!

Майк повернулся направо. Ему хотелось смотреть на нее. Смотреть долго и жадно, не отрываясь, пока на самой подкорке мозга не отпечатается каждая еле уловимая черточка, каждый едва заметный дефект.

Там, где, как казалось Майку, только что сидела девушка, зияло опустевшее пространство. На кресле лежали смешные очки, которые они однажды вместе выиграли, когда случайно встретились в парке. Дженнин любила вот так внезапно исчезая, оставлять «автограф» – это был ее излюбленный способ избавления от надоевших вещей, и, как Майк наконец-то осознал, побег от прощания.

Оказывается, он столько всего помнил о ней и так мало понимал. Но теперь Майк знал, что никогда не найдет ключа к загадке Дженнин, потому что никакой загадки не было.

А еще он точно знал, что завтра позвонит ей и назначит свидание.

Планета Ледяных Деревьев

На планете Ледяных Деревьев жила-была девочка. Как она там появилась, никто не знал, да и знать-то было некому.

Планета эта находилась так далеко от всех других планет и солнц, миров и систем, что туда едва-едва попадал видимый свет. Но, возможно, именно благодаря этому, было здесь очень красиво.

Деревья изо льда покрывали всю видимую поверхность – от горизонта до горизонта – и мягко светились тысячами тысяч разных оттенков, а ветви их имели каждая свой особый, неповторимый звук. Так и стоял этот громадный лес, светясь и звеня среди темноты и холода – вечная ночь, и вечный праздник.

И среди этой ледяной красоты время от времени появлялась и бродила тоненькая, хрупкая фигурка.

Это была девушка, задумчивая и печальная, с лицом, светящимся какой-то нездешней, удивительной грустью, и длинными пальцами, нежно поглаживающими холодную «кору».

Фигурка появлялась то там, то здесь, на некоторое время застывала на месте, как бы в нерешительности, затем подходила к какому-нибудь дереву и прикасалась к нему.

Когда это происходило, дерево, к которому прикоснулись, начинало всё ярче светиться, вокруг него становилось тепло, и с ветвей звонко падали хрустальные капли, создавая новые мелодии в новом свете.

И чем дольше длилось прикосновение, тем теплее и звонче становилось вокруг.

Девушка, казалось, вовсе этого не замечала. Иногда она часами могла сидеть, прислонившись спиной к какому-нибудь дереву, с отрешенным взглядом, нисколько не обращая внимания на поющую живую воду, ручьями стекавшую с её волос и одежды.

Но происходило это нечасто: печальная девушка исчезала так же внезапно и беспечно, как и появлялась, и на планете снова воцарялся привычный прохладный сумрак с еле различимым свечением.

И вот однажды случилось нечто такое, чего здесь никогда не бывало, и, казалось, уже никогда не случится.

После долгого отсутствия внезапно появилась девушка. На этот раз – пожалуй, впервые – она как будто действительно была здесь, а не просто находилась – по воле какой-то неведомой силы.

Её лицо было серьёзно и внимательно, взгляд размеренно скользил по окружающему пространству – как будто несколько критично, но в то же время ласково.

Вдруг всё на планете замерло, остановилась и девушка, всматриваясь в едва заметную точку на небе – тёмном и сыром – в напряжённом, но радостном ожидании; её длинные пальцы слегка дрожали, но дрожали и уголки губ, силясь сдержать улыбку.

Между тем светящаяся точка в небе становилась всё различимее и ярче: что-то стремительно приближалось к Планете, и было уже очевидно, что столкновения не миновать.

Девушка, не сводя глаз с неба, по-прежнему, казалось, чего-то напряжённо ждала: на лице её читалось возбуждение. Её печальные, но в то же время кристально ясные тёмные глаза луцились надеждой.

Крупное тело оставляло в небе радужный искристый след, взволнованная девушка заворожено следила за его траекторией.

Удар был ощутимым, но не разрушительным. Все деревья звонко вскрикнули единым скрипом и потянулись друг к другу ветвями.

Так начиналось длительное совместное путешествие.

Темноволосая девушка упала бы, если бы не бережно и надёжно подхватившие её ветви. Она нежно погладила их в ответ и, ни секунды более не колеблясь, устремилась вперёд.

Вместе с ней начала движение и сама Планета – мягко и легко, как будто только что починенный поезд тронулся в дальний путь после долгой стоянки.

Небосвод больше не был похож на тёмное окно заброшенной квартиры: на его полотне теперь высвечивались проплывающие мимо галактики, солнца, звёзды и миры, астероидные пояса и причудливые лица сгустков космической пыли.

Планета стремительно набирала ход, устремившись к какой-то, казалось, ведомой только её сердцу, точке во Вселенной.

На глазах менялся и ландшафт: лёд больше не был льдом – вода свободно струилась, чтобы, нарисовав на земле свой узор, осться там, где ей понравилось, уйти сквозь почву вниз или расстелиться туманом по верху.

Больше не скованные холодом и «бронёй» деревья свободно бродили, где им вздумается, чтобы пустить корни на новом месте. Одни уходили поодиночке, другие – парами, трети – целыми компаниями, а кое-кто остался и на прежнем месте – собирать предания.

Возле же места падения загадочного небесного тела высятся горы, а за ними простирается обширная долина, быстро порастающая травами и цветами.

Куда ушла девушка с тёмными волосами, деревья не знали. Те, кто ушёл далеко от леса и поселился у подножия гор, как будто видели, что на самой высокой из вершин встретились две фигуры: одну из них они узнали, другая же навсегда осталась в их сердцах смутно различимым силуэтом, бережно склонившимся над девушкой.

Кто это был, они так никогда и не узнали, но в памяти отпечатался образ высокого незнакомца – лучащийся радостью и уверяющий в надежде.

В тот самый миг, когда две фигуры стали одним непостижимым целым и исчезли из видимого пространства, Планета, наконец, остановилась, и лес, горы, плато и равнина увидели свой первый рассвет: стремясь друг к другу, из-за горизонта поднима-

лись два прекрасных солнца, окрашивая небосвод в нежнейший голубой и изысканно-лиловый, чтобы встретиться в зените, пройти свой дневной путь и, одновременно закатившись, уступить место пяти разноцветным лунам в причудливой паутине созвездий.

Вода заструилась по-иному, зарождая новую жизнь на новой земле, а камни продолжили молча хранить историю.

Снежинка Флоры

Маленькая Флора сидела за своим столом и рисовала. В последнее время она проводила вечера именно так: каникулы уже начались, дни были короткими и холодными – самое время для рисования.

Хотя, по правде сказать, занятие это Флоре нравилось больше всех остальных. Она любила сидеть и вглядываться в темноту за окном, согревая уставшие пальцы под светом настольной лампы, чтобы разглядеть в этой темноте что-то, видимое ей одной, и вновь вернуться к своим линиям и пятнам.

Рисунки Флоры были далеки от технического совершенства, но каждое цветовое пятно как будто говорило: «Я всегда было здесь, и если ты будешь долго смотреть на меня, я оживу и стану частью твоего мира».

Но сегодня Флоре хотелось чего-то особенного. Она не знала, чего именно хочет: это было не похоже на всё, что она чувствовала когда-либо раньше.

Это было волнующее, смешанное чувство, парящее на грани между тайной, восторгом, смущением и откровением. И это чувство, в пёстрой гамме своих ярких противоречий, доставляло ни с чем не сравнимое удовольствие.

Повинуясь внутреннему порыву, Флора взяла чистый лист, карандаши и несколько красок и стала быстрыми уверенными движениями наносить штрихи и линии, почти не видя, что получается, и не осознавая, где именно она находится.

Вдруг линии и пятна исчезли, точнее, сложились в единый образ, и Флора поняла, что работа окончена. Она не знала, сколько прошло времени: за окном было всё так же темно, только небо приобрело какой-то еле уловимый, но совсем новый оттенок, и ветер стал тихим и мягким.

Флора ещё раз посмотрела на рисунок, затем, как бы провожая кого-то, с нежностью взглянула за окно.

Девочка-снежинка, подмигнув, помахала Флоре, слегка от-

толкнулась от подоконника изящными ножками и взлетела, тонко позвякивая серебристыми юбками.

Флора подмигнула и помахала девочке и, украдкой бросив взгляд на белый лист бумаги на столе, погасила свет, и, улыбаясь, вышла из комнаты.

Из окна лился мягкий белый свет – выпал первый снег.

Встречи в пустоте

Глава 1. Брошюра

Прежде чем он всерьез решился это сделать, прошло немало времени.

Со стороны не казалось, что услуги такого рода пользуются особой популярностью – он ни разу не слышал о них ни от кого из своих знакомых, не видел рекламы или вывески с названием. Аккуратная, невычурная брошюра со сжатым описанием попала к нему в руки практически случайно.

Процедура обновления биочипа идентификации (для его работы необходимая ежегодно) занимала от силы минуту, но к окну регистрации прохождения услуг в холле ожидания в тот вечер собралась небольшая очередь. И он, по привычке сторонясь скопления людей, присел в кресло в отдаленном углу холла, украшенного голограммами экзотического кустарника и миниатюрного фонтана (регулятор микроклимата зала извергал в увлажненный воздух аромат цветущего растения, воспроизведенного голограммой).

Стоило ему присесть в кресло и откинуться на спинку, как из пола вырос столик из полупрозрачного пластика в форме наклонной призмы, на котором лежал раритетного вида небольшой предмет – бумажная брошюра. Он где-то читал, что в начале прошлого века таким способом часто распространяли информацию об услугах. Проще говоря, это была реклама.

Его можно было назвать человеком, крепко державшимся за собственные привычки и принципы. Сам он считал себя консервативным, а многие из тех, кто знал его достаточно долго, назвали бы его педантом.

Маленькие мелочи вроде бумажного ежедневника, карманного мини-калькулятора или наручных часов (атавизмы «ушедшей эпохи упорядоченности»), как ему казалось, помогали

ощущать почву под ногами, очерчивать границы собственной реальности.

Его работа была напрямую связана с цифрами (он просматривал объемные числовые матрицы, чтобы найти и зафиксировать ошибки в них), поэтому, увидев цифры на брошюре (9.1.7 – аккуратный, почти строгий шрифт умеренно-синего цвета), он среагировал практически инстинктивно, свернув брошюру пополам и спрятав в карман брюк.

В тот же самый момент биочип на его пальце запульсировал и засветился — это означало, что подошла очередь и пора направляться к пункту регистрации. Недавно появившийся из недр пола столик так же непринужденно исчез обратно.

Глава 2. ПБП

Несколько дней он даже не вспоминал о брошюре, вплоть до того момента, пока, собравшись постирать брюки, не стал обыскивать их карманы.

В районе от солнечного сплетения до гортани он ощущил тревожные малообъяснимые вибрации, как всегда бывало с ним, если он видел перед собой то, на что ему стоило (как потом всегда и оказывалось) обратить внимание.

Прямоугольная бумага тёпло-бежевого цвета с заголовком из цифр (на его взгляд, это само по себе уже было симпатично), казалось, не расскажет ничего, кроме загадочного числового кода, но, присмотревшись, он разглядел внизу совсем бледную стрелку — информация на обороте. Там, в свою очередь, мерцала стрелка, указывающая вниз («проводите биочипом по бумаге»). Он проскользил подушечкой указательного пальца правой руки вниз по листу, и на бумаге мозаикой проявились мелкие буквы, через пару секунд сложившиеся в слова.

Описание было довольно сжатым и сухим, и совсем не по-

ходило на обычную рекламу, скорее оно напоминало инструкцию по применению или инфо-справку о правах потребителя.

«Программируемая биоэнергетическая проекция», – немного увеличенными буквами.

Далее, совсем мелко – описание правил и условий проведения сеанса связи.

«Место встречи объектов выбирается из перечня программы (меню доступно после регистрации договора об услугах).

Запрос на встречу с объектом возможен, если объект зарегистрирован в базе ПБП.

Для выполнения запроса:

- пройдите регистрацию;
- предоставьте сведения об объекте: дата рождения, имя при рождении».

Официально присвоенное имя включало в себя достаточно длинный набор цифр, но, к счастью, у него была прекрасная память на цифры.

«Максимально допустимое время сеанса связи – 40 минут, время сеанса предварительно оговаривается.

Внешность обоих объектов идентична состоянию на момент погружения.

Вы можете:

- говорить с Объектом,
- перемещаться в пределах выбранного места,
- заказать еду и напитки из перечня меню (Внимание! Воспроизводятся только ощущения, питательные вещества не передаются!),

выбрать музыкальный фон (из перечня меню),

- предварительно оплатить сеанс Объекта (Объект будет извещен по окончании сеанса).

Вы не можете:

- намеренно прикасаться к Объекту (выключение и удаление из базы ПБП),

сообщать Объекту реальное местонахождение пункта ПБП (в соответствии с положением о внутренней политике локально расположенных пунктов обслуживания ЛД3800715).

Для регистрации в базе ПБП подойдите в пункт получения информации, пункт регистрации».

Буквы снова рассыпались мозаикой по листу и медленно исчезли — как будто погасли. По-прежнему мало что понимая, он запросил информацию в бесплатной сети общего доступа.

Здесь, под романтичным заголовком «Встречи в пустоте», действительно нашлось «человеческое» описание процесса (тут он, наконец, догадался, что же ему предлагают) и даже отзывы анонимных Объектов, воспользовавшихся услугой.

Итак, добро пожаловать — погружение в Виртуальную Реальность. Понятие было ему знакомо, однако едва ли он знал об этом что-либо кроме того, что сфера являлась незапрещенной, но малоизученной — впрочем, дело вполне обычное для эпохи расцвета биоинфоторговли.

Глава 3. Объект

«Запрос на встречу с Объектом»...

Едва он пробежал глазами эту строку, как сквозь него словно прошел электрический разряд. Образ, который он носил все эти долгие годы в сердце, пытаясь спрятать от себя самого, снова возник перед ним.

«Объект» вырос перед его мысленным взором как живой, посмотрев ему прямо в глаза, застал врасплох (он всегда избегал откровенных взглядов) и снова растаял, точнее, принял свою обычную форму — комка в груди, никогда не дававшего спокойно дышать, спать и жить.

Он негромко выругался, перекинулся парой слов с мини-компьютером, чтобы тот исчез до утра, щелчком немногого дрожавших пальцев выключил свет в комнате, растянулся в кресле, тут же мягко принял очертания его тела, положив сцепленные в замок руки под голову, уставился в тускнеющий потолок и попытался привести в порядок мысли и чувства.

Обычно это удавалось ему без труда (и нельзя сказать, что он не гордился этим) – обычно – кроме одного случая. Случая, который, как он ни старался, никак не удавалось забыть даже по прошествии стольких лет.

Он закрыл глаза и погрузился в болезненные, но опьяняющие воспоминания...

Глава 4. Гигаполис

Тогда все случилось внезапно, как будто налетел ураган и унес его уютный маленький домик, грубо вытряхнул его из пушистого облака эйфории (где он пребывал с того дня, когда она стала проводить все свободное время в его доме) и бросил на голый бетонный пол одиночества, тоски и отчаяния.

Обида захлестнула его и понесла, как откат от гигантской волны, стремительно и безвозвратно, он нырнул в эту воду с головой и поплыл – дальше и дальше, прочь от нее, пока они не отдалились друг от друга настолько, что пути назад, казалось, уже никогда не найти.

В который раз он тщетно призывал всю свою волю, чтобы не вспоминать последние часы, проведенные ими вместе, и тот темный вечер, когда она, с бледным лицом и дрожащими руками присела на край дивана, и, таким чужим, как будто охрипшим голосом сказала, что у нее есть новости, которые едва ли ему понравятся: ей предложили работу в Гигаполисе, и она уже приняла предложение...

Гигаполис. Технологическая и информационная конкуренция здесь больше напоминали собой холодную войну. Этот сверхгород представлялся ему огромным монстром, логовом гигантского голодного робота, стремящегося проглотить не жуя все живое, человеческое, прекрасное...

Сам он никогда не согласился бы променять свой уютный дом и размеренную жизнь на кубическую клетушку неонового небоскреба в океане безжалостного хаоса. Он никак не мог связать ее хрупкий образ с этим чудовищно-бесчувственным скопищем машин и ходячих программ. Конечно, она была умна и обаятельна, но ее просто невозможно было представить одинокой и независимой.

Он чувствовал, что она нуждается в нем: как молодая пшеница нуждается в деревьях, защищающих от опасных порывов ветра, как цветы, высаженные возле дороги нуждаются в зелёной изгороди, заслоняющей от грязи и отброшенных колесами камней.

И все же, он отпустил её.

Снова и снова он упрямо повторял себе, что бросила его ОНА, хотя он не давал ей для этого никакого повода. Но время от времени (и теперь все чаще) откуда-то вдруг появлялся предательский внутренний голос, цинично заявлявший, что он даже не попытался остановить её, и она уехала именно потому, что понимала, что он не станет её удерживать.

Все это время он держался как мог, старался жить нормальной жизнью, даже был женат. От брака остались дети, с которыми он теперь проводил каждые выходные, праздники и отпуск. Пожалуй, в этом он был отчасти счастлив по-настоящему (или очень успешно убеждал себя в этом).

И все же, беспощадный комок льда внутри – смесь боли от

утраты, разбавленной чувством вины – до сих пор никуда не делся. Как паразит, так сжившийся с телом хозяина, что его удаление грозило бы смертью обоим.

Конечно, время размывало краски воспоминаний, тускнела предельная яркость настоящего чувства, но картинки все равно оставались живыми. Как будто кто-то снова и снова включал один и тот же фильм, когда ему хотелось посмотреть футбол или регби. Красивое кино, отснятое на старую плёнку, которую уже не достать ни за какие деньги.

Иногда она представлялась ему книгой, которую он однажды приоткрыл, но никогда не смог бы прочитать до конца, даже если бы она стояла под рукой на полке – слишком на странном языке была эта книга написана. И все же, ему снова и снова хотелось заглянуть в неё – хотя бы ещё раз ...

Глава 5. Время и место

Пытаясь вернуться к привычной жизни, его разум снова и снова хватался за (как ему казалось) прочную структуру знакомого распорядка. Но все чаще он замечал, что минуты и часы куда-то утекали, как будто время двигалось не по размеренному кругу, а скакало по капризной синусоиде.

Зыбкая почва определенности уходила из-под ног.

И однажды вечером он просто обнаружил себя стоящим на тротуаре, прямо напротив биоинфоцентра, невидящими глазами уставившимся на яркие рекламы, быстро сменявшие одна другую на гигантском полотне экрана фасада здания.

Было время начала вечерних иочных рабочих смен, и несколько спешащих к переходу мужчин и женщин попытались грубо оттолкнуть его с дороги, при этом не слишком ласково окрикнув.

Никогда раньше он не жаловался на провалы в памяти и тем более лунатизм, но на протяжении последнего месяца он как будто не принадлежал сам себе. Из глубин подсознания выступала другая сторона его личности и то и дело пыталась украсть его в свою иррациональную реальность. Мир вокруг заискрился цветами, ещё недавно спавшими в полумраке, в воздухе витало нечто волшебное, похожее на предчувствие чуда.

Ещё какое-то время потоптавшись на месте, как будто пытаясь вспомнить, что он делает на этом перекрестке, да и на этой планете вообще, он, быстро огляделся, выбрал «направление» и «цель» (как делал всегда, когда боялся, что кто-нибудь заметит его растерянность) и нырнул в ближайший, на удивление пустой переход.

Однако тот оказался тупиковым, все другие выходы были забаррикадированы из-за ремонтных работ (видимо, в своём смятенном состоянии он не заметил знак), и пришлось возвращаться на то же место.

Здесь, как назло, на него обрушился поток работников ближайшего пункта питания, освободившихся от дневной смены: несмотря на относительную дешевизну роботов, в этой сфере по-прежнему работали люди. И его практически затащили в узкий надземный туннель, обычно служивший дополнительным переходом через кар-трассу (напрямую дорогу переходили разве что сумасшедшие или самоубийцы, так было всегда, сколько он себя помнил).

Живая масса спешащих тел вовлекла его в узкий пластиковый проход, и через минуту он оказался прямо возле входа в здание, к которому не решался приблизиться уже месяц.

Очереди не было, и робот за стойкой пункта регистрации был включён (о чём говорил конус неонового света над ним) – стоило попытать счастья.

Удивляясь сам себе, он уверенной походкой пересек пустой

холл, прикоснулся биочипом к сенсору робота и абсолютно спокойным голосом выдал легко запомнившуюся последовательность из трёх цифр.

Обработав данные, робот шокировал его, молниеносно выдав ответ: «Объект согласен на встречу», – и топорно улыбнулся своим малоподвижным лицом (никогда раньше он не видел, чтобы муниципальные роботы устаревшей модели улыбались).

Сообщив код доступа к чату планирования встреч, робот снова загадочно улыбнулся. Тут же мини-монитор наручного компьютера засветился и замигал. Легко коснувшись его биочипом, он прочитал сообщение: «Ты выбираешь время, а я место, идёт?»

Вот так вот просто, как будто с того момента, как они последний раз договаривались о встрече, прошли каких-нибудь пара-тройка дней.

Они договорились на вечер субботы и попрощались.

Он выключил компьютер удерживающим касанием биочипа, и, выбрав максимально длинный путь, пешком побрел в сторону дома. Улицы, к счастью, уже начинали пустеть, и он мог предаться собственным мыслям, не рискуя при этом быть снова увлеченным куда-нибудь лавиной спешащих людей.

Он снова увидит её. Да, это будет только спроектированная в его сознание копия, но он увидит её – такой, как она есть, сейчас. Это беспредельно радовало, волновало и одновременно пугало его.

Он боялся не того, что она могла постареть,растолстеть или выйти замуж, он боялся, что Гигаполис изменил её, засосал в вакуум социальной безликости. Сохранилось ли в ней то невыразимо-чудесное нечто, что он полюбил, едва впервые взглянув на неё?

Тогда в ней было до неприличия мало искусственного. Она выбивалась из окружающего пространства как неправильно вставленная деталь в полотне пазла.

В этом полуавтоматическом, но по-прежнему суетно и хаотично вращающемся мире, переполненном гаджетами, перемещающимися 3D-проекциями и рекламами, ему порой казалось, что и сам он превращается в машину.

Она же была похожа на маленький остров живой – или даже дикой – природы, и тогда ему хотелось остаться на этом острове навсегда.

Так же, как он, она, казалось, не принадлежит своему времени. Только если он опоздал родиться на пару десятилетий, она опоздала минимум на пару сотен лет.

Она как будто была вызовом всему, что окружало её – всему ненастоящему и пресному. И будь она мужчиной, её легко можно было бы представить одним из старомодных романтиков древности, к примеру, господином благородного происхождения, погавшимся в пираты.

Профессия, которую она выбрала (которую он считал совсем не подходящей женщине, и которая, по сути, разлучила их) чем-то и походила на пиратство: она создавала ошибки в кодах программ конкурентов заказчика.

Такая работа уже давно не считалась подпольной или предосудительной, зато пока что не перекочевала из разряда творческих в «рутинные». Как бы его это не печалило, возможно, именно такая работа позволяла ей чувствовать себя живой в этом так не подходящем ей мире.

Кем же она стала?

Для идентификации личности в их обществе необходимой и достаточной была лишь толика формальной информации,вшитая в память биочипа, безболезненно внедренного в подушечку пальца – все остальное не имело значения.

Даже в его небольшом городе, имея хотя бы немного денег, можно было подправить фигуру, возраст, изменить пол или купить лицо – только недавно изжила себя мода на «головы» российских монархов и американских президентов.

Конечно, прибегать к чему-то в таком духе было совсем не в её стиле, и все же, столько лет работы в Гигаполисе могли изменить что угодно.

Приближаясь к дому, он изо всех сил старался успокоить мечущийся ум и забыть обо всем этом на несколько дней – до встречи.

Глава 6. 9.1.7

Загадочный шифр «9.1.7» оказался всего лишь порядковым номером зала, в котором проводились сеансы связи: этаж 9, блок 1, ячейка 7.

Едва войдя в зал, он испытал шок: прямо на него смотрела «верхняя половина» женщины-киборга, нелепо водружённая на компактную стойку. Лишь когда её глаза мигнули ярко-желтым, а потом голубым, и она заговорила неестественно бархатным голосом, он понял, что перед ним робот высокого класса.

Закончив приветственную речь, «женщина» обворожительно улыбнулась и протянула ему навстречу изящный палец на вид совсем человеческой кисти, продолжавшей металлопластиковую руку: даже пропустив мимо ушей её информативное приветствие, он легко догадался, что от него требуется, и осторожно коснулся своим указательным пальцем пальца робота.

Внедренный в его кожу биочип засветился неоново-зеленым, таким же светом просияли глаза робота. В воздухе над её головой появилась объёмная светящаяся стрелка со сложной комбинацией мигающих цифр и букв. Проследив глазами направление стрелки, он увидел кресло (на вид комфортное, но чем-то напоминавшее стоматологическое), над которым, мигая, светились такие же цифры и буквы, и понял, что кресло предназначается ему.

В инфосправке-сообщении перед сеансом его известили о процедуре подключения: «Нанонейрощупальца высокоуровне-

вого биочипа входят в контакт с равноудаленными нейронами мозга на время сеанса. По окончании сеанса ткани вашего тела полностью восстанавливаются биочипом».

Он представлял себе нечто вроде металлического шлема, подключенного к гигантскому процессору, однако на головах людей, «спящих» в соседних креслах, на первый взгляд вообще ничего не было. Только пристально всмотревшись, он заметил в волосах женщины, лежавшей ближе всех, едва различимое серебристое мерцание.

У противоположной стены зала, за стеклопластиковой витриной, от пола до потолка, вплотную друг к другу, как тротуарные плитки или пчелиные соты, располагались многоугольные мониторы. Некоторые были выключены, на большинстве же из них быстро сменяли друг друга страницы кода, сотканного из на первый взгляд незнакомых ему символов.

Он снова посмотрел на женщину в соседнем кресле. Её лицо не было лицом спящего человека, скорее оно походило на маску или лицо манекена: никаких едва заметных движений глаз под закрытыми веками, никакого намека на наличие мимики. Это лицо не выглядело ни напряженным, ни расслабленным, скорее, оно казалось ненастоящим. Он невольно подумал, что такие лица, наверное, бывают у людей, впавших в кому. Ему стало не по себе, и он быстро отогнал эту мысль.

Тут же он заметил, что его биочип-идентификатор интенсивно пульсирует ярко-зеленым светом. Он не помнил, чтобы такое случалось когда-либо раньше. Также он увидел, что робот, встретившая его на входе, смотрит прямо в его сторону, развернув при этом свою красивую голову почти на сто восемьдесят градусов. Когда он невольно поймал взгляд её раскосых глаз, таких же зелёных, как странное свечение биочипа, она приветливо подмигнула ему: «Пора начинать».

Он осторожно сел в «полумедицинское» кресло, на поверхку оказавшееся чудо уютным, и тут же ощутил приятное покалывание сразу в нескольких точках на голове.

Спустя пару секунд его сознание уже не принадлежало этой реальности.

Глава 7. Брызги

Он стоял в коридоре. Коридор был узкий и длинный. С низким потолком. В конце коридора виснелась грубая прочная дверь. Над ней висел большой и простой, на вид старинный фонарь, скорее похожий на прожектор. Это был единственный (и, наверно, поэтому такой яркий) источник света во всем коридоре.

Не оборачиваясь, он быстро подошёл к двери и прижался к ней всем телом, как будто пытаясь расслышать и почувствовать, что за ней происходит. Дверь была глухой. И холодной.

Теплым был только воздух вверху, нагретый лампой-прожектором.

По привычке он провёл пальцем по месту, где располагался сенсорный замок на двери в его дом.

Биочип не работал. Он вообще не ощущался. Присмотревшись, он понял, что биочип исчез.

Не понимая, что делать дальше, он безотчетно провёл ладонью по стыку двери и стены, снизу вверх.

Когда он повторил то же движение в обратном направлении, его рука наткнулась на странный выступ. Изумленно рассматривая новую деталь, он вспомнил, что нечто похожее было у сумок-чемоданов, в которых иногда носили большие компьютеры (которыми теперь уже почти не пользовались), но он никак не мог представить, зачем такой выступ может быть нужен здесь. И все же, он инстинктивно взялся за него рукой и потянул (совсем не понимая, почему делает это) на себя. Дверь подалась.

Звуки, запахи, цвета и ощущения обрушились на него вместе с градом солёных брызг.

Узкую береговую линию омывал океан. Он никогда не видел такой воды и такого песка – ни на одном курорте, ни на одной картинке. Все как будто отливало серебром, но при этом не выглядело искусственным: это определённо была вода, а не жидкий металл, песчинки, а не пластиковая крошка. Пахло настоящим океаном. Огромным. Полным жизни.

Большое закатное солнце было окружено голубоватым ореолом, облака вокруг него были не просто облаками: у всех из них были лица, живые, выразительные лица.

Он не мог похвастаться богатым воображением, и уж точно не относился к людям, которые могут часами разглядывать небо, видя там какие-то фигуры. Но эти лица действительно были. Их не заметил бы только слепой.

Было свежо, но не холодно. Он снял ботинки и лёгкую куртку, подкатил штанины. Пошёл вперёд, наслаждаясь свежим влажным ветром, разевавшим волосы и одежду, рассеивающим напряжение и печаль, купаясь в просторе пространства.

Длинный пирс уходил далеко в океан, казалось, прямо в закат. Он в первую же секунду заметил знакомую фигурку, сидящую на самом краю, беспечно болтавшую ногами, едва касаясь воды кончиками пальцев. Она приветственно помахала ему рукой и снова повернулась к солнцу.

Ему хотелось подбежать к ней, чтобы заглянуть в её глаза, рассмотреть размытые временем в его памяти черты, услышать красивый, мелодичный голос.

Но он чувствовал, что она не хочет торопиться. Она хочет, чтобы он осмотрелся здесь, принял это место в своё сердце, оценил его красоту. Поверил в чудо.

Конечно, он не смог бы сказать всего этого словами, но мог понять и почувствовать. Теперь мог.

Пирс был длинным, а вода, плескавшаяся по обе его сторо-

ны – прозрачной. Из-под её серебристой поверхности его разными глазами разглядывали живые водные обитатели.

Он заметил несколько звездочек, устроивших гонки на мелководье, издалека они были похожи на маленькие колёса, отлетевшие от игрушечной машины и продолжавшие катиться по инерции, крошечных дельфинов, размером с половину его пальца, нечто похожее на кувшинки, умеющие прыгать и нырять, парочку осьминогов, прогуливавшихся по дну, каждый обивал другого одним из щупалец, один из них был фиолетовым, другой – коралловым.

Большая черепаха покачивалась на волнах, подставив за-катному солнцу живот – каким-то образом у неё получалось использовать свой панцирь как надувной матрас.

Фигурка на краю пирса сейчас казалась неподвижной.

Наконец он позволил себе ускорить шаг и лёгким полубегом преодолел разделявшее их расстояние.

Глава 8. Одно касание

Она по-прежнему сидела, практически не двигаясь, опираясь на руки, отставленные назад, немного наклонив голову влево.

Он осторожно, почти бесшумно, присел справа от неё, стараясь не выдать своего волнения неосторожным движением.

Заглянув в её лицо, он едва не отшатнулся.

Её красота никуда не делась, она не выглядела стареющей или изможденной, это были те же черты (и он был уверен, что в них нет ничего искусственного, на её лице даже почти не было косметики). Шокировало его совсем другое – её глаза. Они были глубоко серьезны и, казалось, излучали яркий свет. Не привычный, видимый глазу – солнечный или неоновый. Это был свет знания и печали, радости и силы.

Никогда раньше он не видел ничего подобного. Так близко. Ему хотелось спрятаться от этих глаз или утонуть в них (наверное, и то и другое одновременно).

Уловив его смятение, она улыбнулась, и её лицо стало лучистым и мягким – совсем таким, каким он знал его когда-то.

На ней было лёгкое платье (скорее похожее на длинную футболку), белое, в тёмно-серебристую полоску. Он мог любоваться формой её коленей и изящными лодыжками, а когда ветер дул сильнее, сквозь тонкую ткань платья проступали очертания её хрупких плечей.

В лучах заката её кожа и волосы отливали бронзой. За её аккуратное ухо был заложен (как ему сначала показалось) какой-то экзотический цветок – такого же цвета, как «металлическая» поверхность воды, по которой они оба сейчас скользили босыми ногами.

Но стоило девушке легко встряхнуть головой, как «цветок» взлетел, оставив на волосах хозяйки красивую серебряную пыльцу, ненадолгоприсел на кончике пальца, расставив все шесть полуупрозрачных крылышек, позывая рожками, и устремился к океану.

— Морская бабочка! – он вздрогнул, снова услышав её голос (здесь он казался таким же серебристо-нежным, как все вокруг).

Он никогда не слышал о морских бабочках и вообще сомневался, что они существуют в природе.

Наконец он решился вслух задать вопрос, давно вертевшийся на языке:

— Где мы?

Она улыбнулась и неопределённо повела плечами и бровями. Он хорошо помнил её маленькие уловки и понял, что прямого ответа не получит.

— Ты же не... ? – не дав словам сорваться с губ, она прикрыла его рот своей ладонью. Прохладной, нежной. Он жадно поцеловал её руку, мысленно приготовившись к тому, что сейчас все закончится, и он снова потеряет её – теперь уже навсегда (условия встречи запомнились ему хорошо).

Но ничего такого не произошло.

Она мягко отстранилась и слегка потерла пальцами виски. На пару секунд её глаза изменились, он уловил тот взгляд, который так смутил его при встрече.

Но она прикрыла глаза, откинулась назад, легко встярхнула головой, и теперь улыбалась, как ни в чём не бывало беспечно болтая ногами над поверхностью воды.

Какое-то время он молча, как завороженный, смотрел на неё: страх отступал, но не исчез совсем. Он не знал, что сказать, о чём спросить – просто смотрел на неё во все глаза, пытаясь впечатать образ в память на случай, если нарушение все-таки было зафиксировано и эта долгожданная встреча – последняя.

Наверно, он просидел бы так ещё долго, если бы внезапно их не окатило водой. Теперь она смеялась – громко и звонко, а он почувствовал, как о его ногу трется что-то гладкое. Это определённо был кит, хотя размером он больше походил на дельфина, а расцветкой – на жёлтого полосатика.

Она наклонилась к воде, чтобы погладить кита, подплывшего к ней. Её длинные влажные волосы едва не коснулись его кожи. Ему захотелось зарыться в них лицом, притянуть её к себе и не выпускать.

Сейчас это место, несмотря на его удивительную флору и фауну, казалось ему реальнее всего, что он когда-либо видел в «той» жизни.

Он попытался вспомнить, чем занимался на прошлой неделе, чем вообще занимался до того, как попал сюда. И не смог.

Он смотрел на неё. Она смотрела вдаль. Улыбнулась. Выставила руку вперёд, ладонью вверху. Он услышал крик и обернулся.

Прямо на них летела большая птица, несмотря на свой размер изящно спикировавшая на её ладонь. Это был белоснежный альбатрос. Серебристыми были только его клюв и лапы.

Девушка наклонилась к птице и тихо сказала ей что-то на языке, которого он никогда не слышал.

Альбатрос резко повернулся в его сторону и посмотрел ему прямо в глаза – серьёзно, проницательно – своими умными глу-

бокими глазами цвета потемневшего серебра. И взлетел, описывая концентрические круги над их головами, поднимался высоко и снова падал, едва не касаясь его волос, взлетал снова, и снова падал вниз.

Эта внезапная суета смущила его, но он невольно залюбовался птицей, в лучах почти закатившегося за водный горизонт солнца походившей на маленького фламинго, исполняющего странный воздушный танец. И уже через минуту пожалел об этом.

Пожалел, наконец оторвав взгляд от птицы и повернувшись налево.

На пирсе никого не было. Он громко выкрикивал её имя в опустевшее пространство. Он кричал, и кричала птица.

Стало быстро темнеть. На небе одна за другой появлялись звезды. Красивые и незнакомые. Узор ночного неба исказился спиралью и плавно отступил назад, выпуская взгляд в совсем другое пространство, прятавшееся за отяжелевшими за времена сеанса веками.

Первое погружение закончилось.

Глава 9. Соль и серебро

Он почувствовал покалывающее онемение в нескольких точках на голове – ощущение было на удивление приятным. Туман в сознании быстро рассеивался, а в отяжелевших конечно-стях снова живо пульсировала кровь: «...по окончании сеанса ткани вашего тела полностью восстанавливаются...», – биочип делал свою работу хорошо.

Осторожно продвигаясь к пункту подтверждения оплаты возле выхода, он, глядя через плечо, пытался запомнить символы кода, мелькавшего на экранах. Но запомнить ему удалось только то, что символы эти сочетались очень странно: казалось, это были знаки всех естественных и искусственных языков и систем счисле-

ния, когда-либо использовавшихся человечеством, перемешанные программой какого-то сумасшедшего генератора. Впрочем, он никогда не понимал языков – его делом были цифры.

Подтвердив предварительную оплату сеанса за двоих, он, наконец, покинул ячейку и направился к лифту. Тревога не проходила.

Биочип идентификации и наручный миникомпьютер вернулись к нему в «этой» реальности. И – сердце его забилось так громко, что, казалось, выбирируют стены лифта – над экраном компьютера светился объёмный значок нового сообщения.

«Так это было свидание?!..» ... Он закрыл глаза и шумно выдохнул. Она в порядке. И её ужасное чувство юмора никуда не делось.

Он не совсем понимал, что она сделала, пока они были ТАМ, и уж тем более не понимал, как, но чувствовал, что это было нечто едва постижимое умом, нечто в своём роде чудесное, лежащее за плоскостью обыденного осознания.

Он чувствовал, что делая это она ходила по лезвию ножа, балансировала, стоя на руках, у самого края крыши... Хватит ли ей сил удержать равновесие? Он должен хотя бы попытаться её уберечь.

«В следующий раз место выберу я».

«Не пойдёт».

Её проклятое упрямство тоже никуда не делось.

Он не знал, что сказать ей теперь, и что можно сказать, чтобы не навлечь подозрений (он не питал иллюзий по поводу конфиденциальности их переписки), но она сама прервала затянувшееся молчание, предложив встретиться в то же время через две недели.

Ещё немного помолчав, он коротко согласился.

Выйдя из здания, он, наконец, решил сделать то, что хотелось сделать с момента выключения – облизал пересохшие губы.

На них остался вкус соли, серебра.

И её кожи.

Глава 10. Ночь и день

Он снова был здесь. Стоял босиком на прохладной земле, поросшей мягкой травой, дышал густым воздухом ночи, подсвеченном сиреневым серпом Большой Луны.

Малой Луны сейчас видно не было – как внимательно он ни взглядывался сквозь ветви деревьев и кустарников, ее нежно-персиковое свечение нигде не просматривалось. И всё же ночь была великолепная – как всегда.

Было безветренно и тепло. Он медленно шел вперед, и пространство обтекало его тело, как вода прозрачного озера с гладкой, как зеркало, поверхностью.

Куда бы он ни шел, везде ему слышался нежный серебристый голос, тихо говорящий на языке, которого он никогда не слышал. Но этот язык здесь знали все. Каждый лесной зверь, каждая птица, каждый лист на каждом дереве, каждый цветок, каждый камень – всё отзывалось этим голосом. И всё здесь знало, что он здесь, и всё ждало его.

Он брел сквозь чащу, и то тут, то там с высоких веток на низкие перепархивали большие птицы с умными глазами и пытливыми голосами. Он спускался к реке, и тонкие серебристые змеи-ки выползали из-за камней, чтобы обвить узорами его следы на песке.

Он бродил везде, куда мог дойти, ища источник этого волнующего и одновременно умиротворяющего голоса, пытаясь распознать таинственный язык, который знало всё здесь, но не он ...

Но голос снова прятался, стихал, менялся, чтобы появиться опять и увести его к местам, которых он еще не видел, и которые еще не знали его...

«Доброе утро! Сегодня рабочий день! Напоминание: до важной встречи осталось два дня, двенадцать часов. Удачного дня!»

Он приоткрыл глаза и снова закрыл их. Через пять минут настенный электронный календарь со встроенной функцией на-

поминания, он же и будильник, снова повторит свое утреннее приветствие низким женским голосом.

Через полчаса он все-таки заставил себя подняться с постели. Предстояло пережить очередной реальный день.

Кое-как побравшись, одевшись, и наскоро позавтракав, он покинул свою уютную квартиру.

Биочип активировал программу дистанционного управления на наручном компьютере, и железные двери подземного гаража раскрылись, выпустив на свет лёгкий мини-кар спортивной модели.

Интерфейс мини-кара задал вопрос, который задавал перед каждой поездкой, и на который почти всегда (за исключением редких случаев) получал положительный ответ: «Переключиться на ручное управление?»

«Нет».

Интерфейс, казалось, обдумывает непривычный ответ, выдерживая паузу.

Но машины ведь не думают, не так ли? Просто обрабатывают информацию?

Мысленно задавая себе избитый вопрос, он машинально поглаживал податливый руль и кнопки панели передач.

Автомобиль вскоре снова заговорил: «Включаю автоматическое управление. Выберите пункт назначения и максимальное время пути».

Он нажал на маленькую кнопку возле сиденья, и на его голове появился защитный шлем, а тело оплели эластичные ремни.

Программа автоуправления, получив информацию, делала свое дело, и он погрузился в собственные мысли.

Он всегда думал, что любит свою работу, маленький город, в котором всегда жил, своих детей, экстремальное вождение (ручное управление каром считалось именно таковым), но влюбиться в целый мир, даже не будучи до конца уверенным в его реальности...

Глава 11. Плато

На этот раз, оказавшись в коридоре, ведущем к двери, он испытывал волнение совсем другого рода. Не было страха или болезненной тревоги, скорее это была волнующая радость.

В глубине сердца он знал, что безнадежно любит мир, который увидел «там». Любит с первого взгляда, как и ту, которая показала ему этот мир.

Он не знал, в какую часть этого мира выбросит его грубая тяжелая дверь, но не сомневался в том, что место это будет прекрасным.

Он стоял на траве.

Воздух был так насыщен запахами, что при первом вдохе показалось, что легкие сейчас разорвутся.

Было тепло, как поздней весной, и, что удивительно, здесь был совсем не вечер, а день, даже, скорее, утро, за пару часов до полудня.

Здесь росли деревья, очень высокие, чем-то похожие на вязы.

Было видно, что лес простирается далеко во все стороны, но деревья не росли хаотично и не теснили друг друга, и в то же время это определенно была не роща.

Порядок здесь был какой-то естественный, как будто вышедший из-под руки опытного художника.

Было очень много света. Он никогда бы не подумал, что столько света может быть в лесу. Свет как будто сочился, огибая листья и ветви, играл, переливаясь разными оттенками, и, наконец достигая земли, тонул в ее разнотравье.

Присев, чтобы поправить ботинок, он ощутил как будто знакомый запах, напоминающий цветение дикой розы. Присмотревшись, он разглядел между стеблями трав лепестки. Они выглядели совсем свежими. Поворотив их рукой, он обнаружил целый гербарий.

Это казалось странным: на деревьях не было видно цветков или бутонов.

Он подошел к одному из стволов, провел по нему ладонью. Ощущение было необычным: кора будто бы дышала, едва уловимо колеблясь, как грудная клетка глубоко уснувшего человека.

Вдруг в нескольких сантиметрах от своей ладони он заметил шевеление.

Казалось, дерево стремительно отращивает новую ветвь. Однако, когда ветвь выросла размером с человеческую ладонь, покрывавшая ее кора лопнула и осыпалась, а то, что было внутри, осталось парить в воздухе.

Белоснежный цветок медленно раскрывал свои густые лепестки, издавая едва уловимый ухом звон. Цветок чем-то походил на медузу с длинными тонкими ножками, только плыл он по воздуху, мягко поднимаясь вверх, зависая под солнечными лучами то тут, то там.

Присмотревшись, он понял, откуда взялся весь этот чудесный свет – парящий белоснежный цветок был здесь не один.

Пока он любовался этим чудом, на его лицо и плечи падали ароматные лепестки: бледно-желтый, лиловый, бирюзовый, оранжевый...

Пройдя вперед, в одном месте на земле он заметил крошечный росток, еще согреваемый сердцем цветочного бутона. Он пророс не слишком далеко и не слишком близко от соседей-деревьев, в месте, залитом разноцветным светом. Умный лес заботился о своих малышах.

Все это было чудесно, но что-то было не так.

Он уже не мог вспомнить, откуда пришел сюда, но помнил, что пришел, чтобы найти здесь кого-то, повидаться с кем-то, кто ему очень дорог. Дорог настолько, что он готов забыть, кем был раньше.

Не совсем понимая, что делает, он просто брел вперед. Лес, казалось, постепенно редеет, трава становилась сочнее и мягче.

Ему показалось, что вдалеке между деревьями мелькнул темный силуэт. Силуэт приближался и прорисовывался четче. Теперь было видно, что это животное. Красивое, грациозное. С длинной густой гривой и длинным хвостом. Низ его стройных ног покрывала густая и длинная, почти как на гриве, шерсть, практически скрывавшая копыта.

Зверь приблизился к мужчине и остановился. Он был высоким, ростом с небольшого человека, так что их глаза были почти на одном уровне.

Умные, глубокие глаза цвета темного серебра какое-то время внимательно изучали лицо человека.

Затем зверь поклонился.

Не зная, что сделать еще, человек поклонился в ответ.

Зверь продолжал стоять, пригнувшись к земле передней частью туловища, наконец, немного привстав, нетерпеливо мотнул головой и снова опустился вниз.

Человек, наконец, понял, что его приглашают на прогулку, и устроился на спине нового друга. Тот легко поднялся и плавно двинулся туда, откуда появился.

Лес, действительно, постепенно редел. Солнечный свет буквально заливал все вокруг. Но не обжигал. Воздух до сих пор был свежим и мягким. По пути он видел несколько родников, растения тянулись к ним корнями, стеблями, ветвями и листьями, передавали друг другу капельки.

Земля теперь немного уходила вниз. Зверь как будто заволновался, то и дело встряхивал головой, постепенно ускоряя шаг. Наконец остановился, озираясь. Издал странный звук, громкий и мелодичный.

Откуда-то слева ему ответили: звонко и нежно.

Здесь лес заканчивался. Склон мягко уходил далеко вниз, расстипался цветочными коврами, травянистыми берегами обнимал края озер, песчаными отлогами – линии рек.

Серебристым, бирюзовым, голубым, глубоким синим отражалось от вод небо...

Зверь снова забеспокоился, немного приподнялся на задних ногах, издавая звуки, одновременно похожие на урчание кошки и уханье совы.

Он оторвал взгляд от плато и повернулся налево. Зверь приветствовал подругу.

Ее грива была еще гуще и длиннее, а шерсть, наоборот, светлой. Двое животных ласково терлись друг о друга головами, что-то «мурлыка» на своем странном языке, их кудрявые гривы переплетались темно-серыми и персиково-лунными волнами.

Мужчина и женщина, сидевшие на спинах животных, молча смотрели друг на друга.

Просто, открыто, не пряча чувства за маской мимики.

Глядя в ее лицо, он сразу вспомнил все, что знал об этом мире из своих снов, вспомнил их встречу у океана, вспомнил все их встречи. Вспомнил, как каждый раз, когда они проводили вместе ночь, ему казалось, что он находился в какой-то другой реальности...

Сейчас ему казалось, что он узнал бы это лицо, даже если бы пришлось умереть и заново родиться тысячу раз подряд.

В ее глазах играли особенные огоньки. От того взгляда, который шокировал его в прошлый раз, казалось, не осталось и следа.

Сейчас у нее были глаза ребенка, который наконец нашел возможность показать лучшему другу заветный тайник, особое место, куда дозволяется приходить кроме него самого только избранным и посвященным.

На ней была рубашка, простая, но элегантная, заправленная в узкие брюки, застегнутая на все пуговицы, ноги были обуты в высокие матерчатые сапоги, облегавшие голени, волосы заплетены в небрежную, но красивую косу.

Все это очень шло к ее изящной фигуре и тонкому лицу. Она была легка, свежа и хороша – как всё вокруг.

Она, обведя взглядом плато, склон, край леса, открыто, с благородным вызовом посмотрела прямо в его глаза, без слов задавая вопрос, которого он всегда ждал, вопрос, с которым его сознание уносилось сюда каждую ночь.

Прочтя в его глазах ответ, она едва заметно кивнула.

Еще минуту он вдыхал аромат чудесного леса, который доносил легкий ветер, скользил взглядом по изгибам холмов и рек, впускал в себя солнечный свет, мягко сочившийся сквозь увлажненный утром воздух ...

А потом все исчезло.

Глава 12. Пустота

Игровую площадку от маленького зала ожидания отделяла стеклопластиковая витрина. Как повелось, он был здесь один: современные родители предпочитали присматривать за детьми дистанционно, используя проекцию изображения и голоса через наручный мини-компьютер, параллельно занимаясь собственными делами.

Ну и, конечно, в зале всегда присутствовала няня-робот, то и дело сверкавшая датчиками движения, и время от времени извергавшая в окружающее пространство популярные детские песни.

Он смотрел сквозь стекло витрины. К его дочери – сейчас она казалась такой взрослой – подошел мальчик, чуть выше и старше. В одной руке мальчик держал два шлема, другой рукой взял руку девочки, и осторожно, но уверенно потянул ее за собой – их ждал двухместный аэромотоцикл, он уже занял очередь.

Девочка, пока ее друг разговаривал с кем-то, все еще крепко держа ее руку, быстро повернулась к витрине и вопросительно подняла брови.

Он ободряюще улыбнулся, подмигнув ей, показал кулак с выставленным вверх большим пальцем: «Парень что надо!»

Весь их немой диалог занял от силы секунд пять.

Лицо девочки просияло, она снова отвернулась, и, возможно, сама того не осознавая, сделала первый шаг в собственную, самостоятельную жизнь.

Глядя им вслед, он вспоминал, как она училась ходить, и как он в первый раз отпустил ее руку, и она, не заметив этого, продолжала уверенно топать сама...

После последнего погружения он получил единственное сообщение: «Встретимся, когда будешь готов». Сегодня он был готов, и уже получил ответное согласие на встречу.

Все это время он формально приводил дела в порядок, и теперь был уверен, что его дети ни в чем не будут нуждаться, если произойдет что-то непредвиденное.

Сегодня вечером он снова окажется там, где красивые животные с глазами цвета потемневшего серебра понимают таинственный язык. Язык, в котором находит себя всё живое в этом прекрасном и загадочном мире.

Отворив знакомую дверь, он шагнул в тяжелый, густой туман.

Сквозь него почти ничего не было видно. Он различал очертания больших деревьев, слышал звук реки, тревожащей камни.

Идя на этот звук, он увидел на противоположном берегу изящный силуэт.

И еще он увидел то, что, как он понимал, не увидел бы больше нигде и никогда: мост, который строил себя сам.

Два высоких дерева, росших друг напротив друга на разных берегах реки, у него на глазах отращивали длинные корни, сплетаясь в узлы и косы, тянувшиеся навстречу друг другу над поверхностью воды, сцепляясь в крепких объятьях, становясь тропой.

Он пошел вперед, и она пошла ему навстречу, дойдя до середины моста, остановилась. Он остановился тоже, в шаге от нее.

На ней было длинное платье из странной зеленоватой ткани, с длинными рукавами, едва открывавшими кисти тонких рук.

Волны ее распущеных волос плавно струились, как воды реки под ними. Она просто стояла прямо, обхватив себя руками, как будто пытаясь согреться, и смотрела на него серьезно и открыто, без приветственной улыбки, без маски накладных эмоций.

Он сделал шаг вперед и обнял ее.

Ячейку номер семь на девятом этаже биоинфоцентра покидали последние посетители. Робот-уборщик с легким жужжанием скользил между креслами.

На одном из них валялись два едва заметных, практически бесцветных маленьких предмета – два мертвых биочипа.

Минуту назад в этом кресле спал молодой мужчина, а если бы кто-то смотрел на него полминуты назад, то увидел бы, как тело мужчины мягко растаяло, как исчезающая голограмма.

Робот подобрал два больше никому не нужных предмета, еще хранивших тепло тела человека, и отвез их к мусорному контейнеру.

Работу было все равно.

Содержание

Девочка с бумажным фонарем.....	3
Бумажные цветы в камине.....	7
Снимаю шляпу.....	12
Сон. Любовь. Перевоплощение.....	14
Загадка Дженнини.....	23
Планета Ледяных Деревьев.....	25
Снежинка Флоры.....	29

Встречи в пустоте

Глава 1. Брошюра.....	31
Глава 2. ПБП.....	32
Глава 3. Объект.....	34
Глава 4. Гигаполис.....	35
Глава 5. Время и место.....	37
Глава 6. 9.1.7.....	41
Глава 7. Брызги.....	43
Глава 8. Одно касание.....	45
Глава 9. Соль и серебро.....	48
Глава 10. Ночь и день.....	50
Глава 11. Плато	52
Глава 12. Пустота.....	56

©Все права автора охраняются законом об авторском праве.
Копирование, публикация и другое использование произведений
и их частей без согласия автора преследуется по закону.

Skleněný můstek s.r.o. Vítězná 37/58, Karlovy Vary PSČ 360 09
IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062